

II. РАЗНОУРОВНЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

УДК 811.1'42

Л. И. ГРИШАЕВА

Воронежский государственный университет

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА АКТИВИЗАЦИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ И ЛОКАТИВНЫХ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ В ТЕКСТЕ: НАСКОЛЬКО ОНИ РЕГУЛЯРНЫ И НАСКОЛЬКО ДЕТАЛЬНЫ?

Для цитирования: Гришаева Л. И. Способы и средства активизации темпоральных и локативных сведений о мире в тексте: насколько они регулярны и насколько детальны? // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2024. Вып. 14. С. 207–241.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.111>

Предлагаемая статья посвящена изучению принципов членения информационного потока в коммуникации, а именно в письменном научно-публицистическом тексте на значимую и всегда актуальную тему «история родной для коммуниканта страны». Особое внимание уделяется способам и средствам активации, соактивации и объективации в коммуникации темпоральных и локативных сведений о мире, поскольку такие знания в силу имманентных им свойств участвуют в конституировании картины мира. О салиентности названных сведений свидетельствуют, в частности и прежде всего, структура языка (наличие категории времени у глагола), высокое содержательное разнообразие комплексов соответствующих знаний и мощностное разнообразие функционально-семантических полей темпоральности и локативности с их разветвленными связями с другими полями, прежде всего с полями аспектуальности, модальности, каузальности, финальности и другими. Анализируется соотношение эксплицируемого и имплицитного, объективируемого и соактивируемого при рецепции текста определенного типа. Посредством изучения разных способов активации, соактивации и объективации темпоральных и локативных сведений о мире в конкретном текстовом пространстве выявляется коммуникативная и когнитивная значимость способности разнородных и разноуровневых, первичных и вторичных номинативных языковых средств объективировать различные темпоральные и локативные сведения — в качестве обязательных и/или факультативных, основных и/или дополнительных для осмысления вос-

принимаемой ситуации — при решении носителями языка и культуры различных когнитивных и коммуникативных задач.

Ключевые слова: темпоральность, локативность, способы объективации сведений о мире в тексте, нарратив, обстоятельства времени и места действия, первичные и вторичные номинативные средства, соотношение эксплицитного и имплицитного в коммуникации.

L. I. GRISHAEVA
Voronezh State University

WAYS AND MEANS OF ACTIVATING TEMPORAL AND LOCATIVE INFORMATION ABOUT THE WORLD IN THE TEXT: HOW REGULAR AND HOW DETAILED ARE THEY?

For citation: Grishaeva L. I. Ways and means of activating temporal and locative information about the world in the text: How regular and how detailed are they? *German Philology in St. Petersburg State University*, 2024, iss. 14, pp. 207–241. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.111> (In Russian)

The paper is devoted to the study of the principles of decomposition of information flow in communication, namely in a scientific journalistic text on the topic of “the history of the native country” which is always significant and relevant for people. Special attention is paid to the ways and means of activation, co-activation and objectification of temporal and locative information about the world as the type of knowledge, which, by virtue of its inherent properties, participates in the constitution of the worldview. The salience of the mentioned information is evidenced, specifically, by the language structure (e. g. by marking the tense category on verbs), the high content diversity of the complexes of relevant knowledge and the power of the multi-core functional semantic fields of temporality and locativity with their multiple and diverse connections with other fields, primarily with the fields of aspectuality, modality, causality, finality, etc. The ratio of explicit and implicit information, objectified and co-activated in the reception of a certain type of text is analyzed. Through the study of different ways of activating, co-activating and objectifying temporal and locative information about the world in a specific textual space, the communicative and cognitive significance of the ability of heterogeneous and multilevel, primary and secondary nominative linguistic means to objectify various temporal and locative information is revealed — as mandatory and/or optional, basic for understanding the perceived situation and/or additional — when native speakers of a language as members of a specific culture solve various cognitive and communicative tasks.

Keywords: temporality, locativity, ways of objectification of information about the world in the text, narrative, adverbials of time and place, primary and secondary nominative means, the ratio of the explicit and implicit in communication.

1. Введение

Вряд ли кто-либо поставит под сомнение тот факт, что локативные и темпоральные параметры действительности необходимы, но все-таки не достаточны для адекватного осмысления воспринимаемых реципиентом разнородных сведений о мире. Уже интуитивное согласие с соответствующим тезисом ставит вопрос о необходимости выяснить, насколько детальными и насколько регулярными в коммуникации и/или тексте должны быть названные сведения, чтобы коммуниканты как носители языка и культуры были уверены в адекватности своей интерпретации и при порождении текста (в широком смысле) с помощью средств тех или иных культурных кодов, и при рецепции продукта дискурсивной (коммуникативной) и речемыслительной деятельности. Очевидно, что как локативные, так и темпоральные сведения о мире являются неотъемлемой частью любой картины мира, без владения которой не представляется возможным ни коммуникация между носителями языка и культуры, ни достижение своих целей коммуникантами, т. е. ни порождение, ни рецепция текста (в широком смысле).

Принципы выявления характеристик картины мира как совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире (как картину мира трактует, например, Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1988]), по-прежнему являются весьма важными в теоретическом и прикладном отношении, несмотря на обилие работ по названной проблематике, разнообразие подходов к анализу сущности самого феномена, вариативности интерпретаций последнего. Особый интерес представляют, вне всякого сомнения, этиология характеристик картины мира и, естественно, нелинейные неоднозначные типы соотношения картины мира как феномена и картины мира как определенным образом организованной совокупности сведений, присутствующих в **индивидуальном** сознании носителей языка и культуры.

Сложность изучаемой проблематики обусловлена в том числе тем, что сведения, составляющие картину мира, проявляются, формируются, конструируются в **социуме**, т. е. в определенном культурном пространстве, в процессе жизнедеятельности каждого отдельного носителя языка и культуры как **индивида**, но значимы и для культуры в **целом**, и для **каждого** носителя языка и культуры как личности. Вместе с тем все эти гетерогенные, гетерохронные,

гетеросубстратные сведения о мире способны к весьма вариативной объективации с помощью различных средств разных культурных кодов (вербального и невербальных)¹.

Учитывая целостность картины мира как феномена и принципиальную **невозможность** одномоментной объективации в коммуникации картины мира как таковой, правомерно задаться рядом вопросов, в частности: какие же знания востребованы интерактантами и объективируются в коммуникации с теми или иными конкретными характеристиками? В какой последовательности, насколько детально, насколько регулярно, под влиянием каких факторов и какие именно сведения о мире объективируются в конкретных условиях при взаимодействии носителей культуры друг с другом с помощью средств культурных кодов?

2. Постановка проблемы

Рассматривая обозначенную выше проблематику под охарактеризованным углом зрения, целесообразно не упустить из виду **конституирующую** роль таких параметров картины мира, как пространство и время².

Так, в «Философском энциклопедическом словаре» пространство определяется следующим образом: «...то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств»

---

¹ Подробнее см. анализ соответствующей проблематики в [Гришаева 2022: 99–145], фиксирующий обилие подходов к изучению обозначенной проблематики, осмысляемой под разными углами зрения в обще- и частнотеоретическом ракурсе. Это, бесспорно, свидетельствует о существенных различиях в изучении сути названного феномена, его структуры и принципов организации. Любопытны также многочисленные рассуждения о процессах, позволяющих проникнуть в мыслительную деятельность носителей культуры, результатом которой становится феномен «картина мира» как таковой. Интересно проследить динамику в интерпретации картины мира как феномена и в способах ее описания на разном языковом материале, например в: [Кубрякова 1988; Кубрякова 2004; Постовалова 1988; Серебренников 1988а; Серебренников 1988b; Корнилов 1999; Культурология... 1997; Dietze 1989; Klux 1984; Корнева 2008а; Корнева 2008b; Болдырев 2019; Пищальникова 2021] и мн. др.

² Интерес представляют в этом смысле, например, подход и приемы анализа пространственных характеристик с точки зрения их роли в организации испанской картины мира. Важно, что при этом, с одной стороны, исчисляются параметры картины мира вообще (как феномена) и, с другой стороны, описываются особенности объективации параметров картины мира в конкретном культурном пространстве (см. [Корнева 2008а; Корнева 2008b]).

[Философский... 2002: 369]. Сопоставляя разные точки зрения на трактовку пространства в разные эпохи учеными различных научных специализаций, автор соответствующей статьи в словаре приводит вывод современных психологов: «...пространство как таковое никогда не дано нам, <...> напротив, оно постоянно **наполняется** множеством более или менее всеобъемлющих систем отношений..., к которым принадлежат различные предметы» [Философский... 2002: 370], пространство может быть **обозначено** как совокупность систем отношений [Философский... 2002: 370]. (Выделено мною. — Л. Г.) Современная метафизика объединяет в едином математическом построении три измерения пространства и одно измерение времени (теория четырехмерного, или риманова, континуума) [Философский... 2002: 220–221]³.

В том же словаре время описывается как «форма возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится» [Философский... 2002: 77]. Современные физики считают время одной из четырех координат в четырехмерном континууме [Философский... 2002: 78], понимая под последним «непрерывную совокупность» [Философский... 2002: 220].

Осознание значимости темпоральных и локативных сведений не только для жизнедеятельности человека, но и при порождении и рецепции текста, фиксирующего результат дискурсивной деятельности носителей языка и культуры, имеющих определенную картину мира, приводит к осознанию необходимости изучения средств и способов объективации, активации и соактивации названных сведений в коммуникации и, естественно, в тексте⁴.

---

³ Анализируя поэтику грамматических категорий, Л. А. Ноздрина подчеркивает: «Для обозначения того единого комплекса, который образуют время и пространство, в философии, теории искусств, семиотике используют термин *пространство-время*, обозначая им то неразрывное единство, которое образуют эти два компонента» [Ноздрина 2009: 114].

⁴ В этой связи нельзя не разделить мнения Л. А. Ноздриной относительно актуальности соответствующей задачи: «Признавая тот факт, что грамматические средства создания текста (так же как и лексические, и стилистические), безусловно, являются производными от содержания, необходимо все же подчеркнуть, что они представляют собой те внешние, явные, объективные признаки, которые дают нам возможность проникнуть в содержание произведения» [Ноздрина 2009: 4].

Весьма условно практически любой текст можно осмыслить в силу антропоцентричности языка и картины мира каждого носителя языка и культуры как некоторую последовательность обозначений разных видов деятельности человека. Последняя предстает, однако, в соответствующем тексте с разной степенью детализации, демонстрируя результат **вариативного** членения различных видов континуумов как при порождении, так и при рецепции текста: (1) пространственно-временного (как части первичной для человека среды, природы); (2) социокультурного (как части вторичной для человека среды, культуры); (3) деятельностного (как среды, присущей одной из ипостасей человека и обеспечивающей его жизнь в обеих — первичной и вторичной — средах); (4) дискурсивного (как одного из осуществляемых видов деятельности — деятельности с помощью языковых средств). В эти континуумы как определенным образом организованную систему систем постоянно погружен любой человек, будучи биологическим существом и вместе с тем носителем языка и культуры (см. обоснование в [Гришаева 2022, особенно с. 99–145]). Другими словами, пространственно-временные континуумы разной природы наполняются системой **разных** отношений разных элементов культуры, в которых так или иначе участвуют коммуниканты, добываясь своих целей. При этом важно, что в актуальных системах перечисленных континуумов **конфигурации** разнородных системных, суперсистемных и субсистемных **отношений** между элементами природной и социокультурной действительности по определению не могут быть тождественными. Это относится даже к комплексу сведений, объективируемых одним и тем же номинативным средством, например *писать*; ср.: *писать на папирусе — на пергаменте — на бумаге — на мраморе — на дереве* и пр. (различны субъекты и их характеристики, инструменты, содержание и форма написанного, обстановка, конфигурации линий и черт в письменных знаках и т. д.).

Резонно при этом обратить внимание на то, что деятельность человека весьма разнообразна и что для ее обозначения язык располагает огромным номинативным богатством⁵. В данном контек-

---

⁵ Это глаголы разной семантики, обозначающие виды деятельности, разнообразные действия и операции по выполнению каждого конкретного действия (*handeln, auftreten, schreiben, stolzieren, tanzen, lauschen, lesen, schreiben, lispeln, bauen, vernichten, trösten* и др.); существительные разных семантических классов (прямые и косвенные обозначения возраста (*Kind, Junge, Renter*), профессий

сте нельзя также упустить из виду и обозначения различных отношений, значимых для субъектов и объектов, вовлеченных в ту или иную деятельность. (см. пример 1, в котором подчеркнуты средства, объективирующие сведения о пространстве (двойная черта) и времени (одинарная черта) — за исключением временных форм глагола по причине обязательности данного способа в любом акте познания и коммуникации; лексическая (локативная и темпоральная) семантика глагола (например, *sich niederlassen*, *sich verbreiten*, *aufbrechen*, *starten* и т. п.) также не маркируется, чтобы не перегружать ход рассуждений излишними комментариями):

- (1) *Nachdem sie das fünfzig Jahre gehört hatten, machte sich eine Horde auf und marschierte. Zunächst nur die Krieger. Nach Südwesten. Und tatsächlich, das Land wurde reich und schön. Zuerst allerdings hatten sie große Schwierigkeiten, aber als sie erst einmal aus dem germanischen Gebiet heraus waren und in das römisch besetzte kamen, ging es ganz leicht. Sie hauten in Castra Regina (Regensburg) und Vindobona (Wien) den römischen Legionären die Jacke voll und ließen sich häuslich in ihren Städten nieder. Die Kunde verbreitete sich blitzschnell. Immer größere Versuche wurden gestartet, bis sich sogar der oberste Fürst selbst entschloß. Also brach das ganze Volk auf <...>* [Fernau 1976: 12–13]⁶.

Очевидно, что абсолютная доминация в глагольном сегменте лексикона глаголов, обозначающих операции по выполнению действий, различные действия, разнообразные виды деятельности⁷, по понятным причинам не может восприниматься исследователями как нечто удивительное. Между тем анализ семантических и валентных классов глаголов антропосферы показывает, что сведения, салиентные для понятия «деятельность» (например, каузальные, concessивные, консекутивные, финальные, кондициональные⁸), в подавляющем боль-

(*Lehrer, Lehrkraft, Schlosser*), занятий (*Hobby, Malerei, Beschäftigung, Studium, Aktion, Aktivität, Event, Ritual, Hilfe* и т. д.), в том числе и отглагольные существительные (*verstehen — Verstand, Verständnis, Verständigung, Verstehen, Putinverstehere* etc.); причастия (*verstehend, verstanden*), а также прилагательные (*verständnisvoll, hilfreich*), наречия (*aktiv*), так или иначе характеризующие отдельные виды деятельности и/или операции по их реализации либо особенности человека, выполняющего соответствующие действия в конкретных условиях.

⁶ Пронумерованные примеры цитируются согласно орфографии оригинала, поскольку оригинал был опубликован еще до последней орфографической реформы.

⁷ О структуре деятельности см. подробнее в [Леонтьев 1974; Леонтьев 1969].

⁸ См. подробнее специальный анализ ментальной структуры «деятельность человека» и многоаспектное и комплексное описание совокупности средств

шинстве в коммуникации имплицитно и/или соактивируются [Гришаева 1998; Гришаева 1999], т. е. относятся к выводному знанию (см. пример 1). При этом упомянутые сведения либо не объективируются в коммуникации вообще, либо объективируются исключительно при определенных условиях⁹. Однако во многих случаях элементы глагольного окружения, имеющие названную выше семантику, описываются — если исследователь вообще признает существование обстоятельственных актантов — либо как факультативные актанты, либо как свободные распространители (в понимании Г.Хельбига), либо как элементы преддетерминируемого и/или непреддетерминируемого окружения (в духе Б.А.Абрамова) (см. подробнее: [Абрамов 2000; 2003; Abramow 1971; Abramow 1998; Duden 1998; Erben 1992; Helbig 1982; Helbig, Buscha 1998; Schumacher 1986] и др.).

Несколько иначе обстоит дело с классами глаголов, преддетерминирующих темпоральное, локативное или модальное обстоятельство. Однако эти классы в количественном отношении вряд ли можно охарактеризовать как мощные — особенно на фоне многочисленных глаголов, преддетерминирующих различное объектное окружение (см. подробнее [Абрамов 2000; 2003; Abramow 1971; 1998; Erben 1992; Helbig 1982; Helbig, Buscha 1998; Schumacher 1986; Tarvainen 1981]; а также [Гришаева 1998; 1999]).

Тем не менее нельзя не признать, что соответствующая — обстоятельственная — семантика не может не быть когнитивно и коммуникативно релевантной, поскольку, во-первых, ни одно действие не может осуществляться вне пространственно-временного континуума,

---

объективации соответствующих сведений средствами немецкого языка в сопоставлении с русскими, французскими, английскими в [Гришаева 1998: 27; Гришаева 1999: 58, 307, 323, 331, 334, 346, 379–380].

⁹ С обозначенной точки зрения интересно обратить внимание на данные из «Полевой грамматики» [Grammatik... 1998]. Авторы анализируют разные функционально-семантические поля (далее ФСП) и характеризуют гетерогенные — лексические, морфологические, синтаксические — средства выражения соответствующей семантики, используемые носителями немецкого языка в разных коммуникативно-прагматических ситуациях и с разными коммуникативными целями: *Feld der Person*, *Feld der Begründung* (kausales Verhältnis), *Feld der Bedingung* (konditionales Verhältnis), *Feld der Absicht* (finales Verhältnis), *Feld der Folge* (konsekutives Verhältnis), *Feld des Widerspruchs* (konzessives Verhältnis), *Feld des Vergleichs*, *Feld der Aufforderung*, *Feld des Wunsches*, *Feld der Vermutung*. Перечисленные языковые средства способны активировать и соактивировать локативные и темпоральные сведения, а в ряде случаев и объективировать их (см. соответствующую систему аргументации в [Гришаева 1998; Гришаева 1999]).

т.е. вне контекста разного рода **обстоятельств**, обуславливающих выбор операций для реализации того или иного действия и действий при осуществлении некоторого вида деятельности, а также вне выбора инструментов и иных средств достижения определенной цели.

Во-вторых, каждое действие или деятельность человека вообще реализуется под влиянием комплекса многочисленных разнородных и разнонаправленных факторов.

В-третьих, для объективации соответствующих сведений в любом языке имеются комплексы разнородных средств, в том числе и мощные ФСП, объединяющие разноуровневые языковые средства: лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, формально-структурные и иные (см. многочисленные исследования по ФСП, например [Grammatik... 1998]).

В-четвертых, как показывает коммуникативный опыт любого носителя языка и культуры, в текстовом пространстве обсуждаемые сведения оказываются столь мощными по своему воздействию на реципиента, что достаточно их однократного употребления в тексте, чтобы реципиент мог ориентироваться в реальном и/или фикциональном пространстве и во времени, более или менее определенно членить пространственно-временной континуум как в бытийной, так и в бытовой коммуникации, как в реальной, так и в виртуальной или фикциональной действительности. В этом контексте резонно упомянуть исследования О. А. Костровой, описывающей различные способы членения пространственно-временного континуума посредством его изучения с позиции наблюдателя (нарратора того или иного типа), при помощи описания разнородных средств выражения концептуальных составляющих хронотопа в нарративных фикциональных текстах [Кострова 2023].

Поэтому в фокусе внимания в данной статье оказывается вопрос, ответ на который позволит разрешить **противоречие** между нечастотностью реализации в коммуникации обстоятельств как синтаксических единиц, транслирующих важные в когнитивном отношении сведения о деятельности, с одной стороны, и салиентностью таких сведений как при порождении высказывания (в широком смысле), так и при его рецепции в разных коммуникативно-прагматических условиях разными носителями языка и культуры — с другой.

Любопытно также еще одно обстоятельство, на первый взгляд представляющееся парадоксальным: для конструирования **разных**

пространственно-временных континуумов используются в принципе **одни** и те же средства языка, употребляемые большей частью конвенционально, т. е. в соответствии с функциональным потенциалом, сложившимся в языковой культуре на протяжении веков (см. пример 1).

3. Цель и гипотеза исследования

В обозначенном контексте **цель** исследования можно сформулировать как поиск ответа на вопрос о причинах постоянной востребованности для коммуникантов темпоральных и локативных сведений при порождении и рецепции текстов, при членении пространственно-временного континуума в разных коммуникативных условиях.

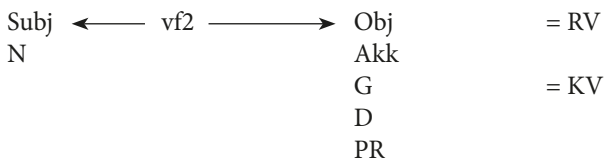
Эту же мысль можно сформулировать иначе — как проблему изучения **принципов** членения информационного потока, поскольку в информационном обществе, как оно сегодня характеризуется, вопрос о соотношении значимых для интеракции сведений и об информационном шуме стоит особо остро.

Гипотеза исследования основывается на предположении о значимости темпоральных и локативных сведений при членении информационного потока, поскольку они определяют выбор средств и способов реализации коммуникативных стратегий. Несмотря на то что названные сведения осмысляются коммуникантами в качестве когнитивной фигуры только в определенных типах ситуаций, эти сведения участвуют в селекции сведений, концептуализируемых и категоризируемых независимо от того, осознает ли коммуникант соответствующие процессы, т. е. представляют собой по преимуществу когнитивный фон, на котором осмысляется та или иная когнитивная фигура.

4. Средства и способы активизации темпоральных и локативных сведений в коммуникации и тексте

На первый взгляд определить средства активации и объективации темпоральных и локативных сведений не представляется сложной задачей уже только потому, что любой язык как культурный код располагает **грамматическими** средствами для объективации сведений обсуждаемого типа: в структуре немецкого языка

присутствует грамматическая категория времени с разветвленным функциональным потенциалом противочленов этой категории. В языке имеются семантические классы глаголов, предетерминирующих обстоятельственные актанты (обстоятельства образа действия, места и времени), выражаемые многочисленными способами: лексемами соответствующей семантики, группами слов разной структуры с соответствующей семантикой, финитные конструкции (темпоральные и локативные придаточные). См. на схеме ниже валентные свойства макрокласов двухвалентных объектных глаголов согласно концепции Б. А. Абрамова:

abschaffen — backen — bestehen — sich annehmen — ankommen — sich erinnern

Условные обозначения: RV — реляционная валентность, описываемая синтаксическими терминами (Subj — подлежащее, Obj — объект); KV — конфигуративная валентность, характеризующая глагольное окружение в морфологических терминах (N, G, D, Akk, PR — соответственно актанты в форме именительного, родительного, дательного, винительного и предложного падежей); vf2 — финитный глагол, открывающих две позиции для актантов с определенными синтаксическими, морфологическими, семантико-денотативными и семантико-функциональными характеристиками [Абрамов 1998; Абрамов 2000].

Обстоятельства времени и места способны замещать приглагольные позиции в непредетерминированном окружении глаголов иных семантических классов, нежели упомянутые [Абрамов 2000; Abramow 1971; Abramow 1998; Beiträge... 1971; Duden 1998; Erben 19892; Helbig 1982; Helbig, Buscha 1998; Schumacher 1986; Tarvainen 1981; и мн. др.].

Отмеченные свойства существенно расширяют возможности объективации, активации и соактивации сведений обсуждаемого типа. Одним из объяснений подобным свойствам является соотношение парадигматики и синтагматики валентных свойств, как это явление понимает Б. А. Абрамов [Абрамов 2000; Abramow 1971; Abramow 1998]. В таких случаях при анализе синтагматики тот или

иной член глагольного окружения, парадигматически относящийся к глагольному окружению, — независимо от статуса этого члена в глагольном окружении и средства или способа выражения — не реализуется в синтаксической структуре, конституируемой носителем валентности, но уже присутствует в предтексте соответствующей финитной конструкции (см. в примере 1 выше реализацию глагольного актанта *zu etw.* при глаголе *sich entschließen* в предтексте). Важно учитывать и вытекающую из данного обстоятельства возможность его элиминации в предложении, конституируемом названным глаголом: *bis sich sogar der oberste Fürst selbst entschloß*.

Существуют и отдельные части речи (наречия, предлоги, союзы) той же — темпоральной и локативной — семантики, которые участвуют в оформлении различных членов предложения, и, естественно, они активизируют, соактивируют и объективируют обсуждаемые здесь сведения. Наконец, нельзя не упомянуть и номинации, специализацией которых является обозначение разных элементов пространственно-временного континуума и разнообразных пространственно-временных отношений между объектами внеязыковой действительности, заполняющими соответствующий континуум. Можно назвать также и единицы лексикона из его различных сегментов, которые способны соактивировать и активировать темпоральные и локативные сведения о мире (см. примеры выше и ниже).

Особо следует сказать о прилагательных и иных единицах, образованных от существительных темпоральной или локативной семантики, а также об иных языковых средствах, в процессе словообразования которых могут использоваться элементы, активизирующие и соактивирующие сведения обсуждаемого типа. Функционирование подобных языковых средств позволяет, вне всякого сомнения, объективировать, активировать и соактивировать соответствующие сведения в дополнение к иным. Например, *Nacht, Frühling* (фазы временного континуума), *Frau Studentin* (в средние века — любовница студента) vs *Studentin* vs *Studierende* (эпоха феминитивов), *Kind* — *Kindheit, ein sonniger Apriltag, Er benimmt sich kindisch* (специфическая для человека манера действовать), *Kinder-garten* — *Kita (=Kindertagesstätte)* (время после объединения Германии), *Team* (вместо *Kollektiv* — после объединения Германии), *Arbeiter-und-Bauern-Staat* (до объединения Германии) — *Ex-DDR* vs *fünf neue Bundesländer* (тот же политический субъект в разные периоды

для одной страны), *Zwetschge — Pflaume, Paradeiser — Tomate* (одни и те же объекты в разных пространствах в германоязычном мире), *Hutblümchen* (старушка — божий одуванчик) и мн. др. Подобные языковые средства одновременно **активируют** и **соактивируют** темпоральные и локативные сведения, **называя** при этом элементы иных семантических классов лексикона. Данное свойство основывается, очевидно, на возможности перекатегоризации воспринимаемых сведений и возможности вторичной концептуализации тех или иных знаний (см. подробнее: [Бабина 2003; Болдырев 2019]).

Следствием этого становится формирование в языковой культуре комплекса изофункциональных средств, которые приобретают в коммуникации специализацию на решении определенных коммуникативных и когнитивных задач. Это, в свою очередь, позволяет исследователю выявлять и описывать взаимодействие разнообразных когнитивных, номинативных и коммуникативных (дискурсивных) стратегий (см. подробнее: [Гришаева 2020: 212–254]).

Независимо от типа когнитивной, номинативной или коммуникативной стратегии при объективации сведений о мире задействованы определенные механизмы вербализации: лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, формально-структурные, текстограмматические (подробнее см.: [Гришаева 2020: 21–74, 204–255]). При этом очевидно, что все типы механизмов вербализации **подчинены** текстограмматическим, владение которыми позволяет коммуниканту как порождать тексты того или иного типа, так и интерпретировать воспринимаемый текст. Применительно к изучению принципов членения информационного потока сказанное означает, что текстограмматические механизмы обеспечивают **высвечивание** тех признаков категоризируемого объекта внеязыковой действительности, которые релевантны в ситуации «здесь и сейчас», при решении конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, т. е. в ряде случаев иначе, чем при конвенциональных условиях, категоризируют и концептуализируют воспринимаемые сведения (см. подробнее: [Гришаева 2020: 136–163]).

Нельзя не напомнить, что в языковой культуре имеются первичные и вторичные номинативные средства для обозначения предметов, субъектов, ситуаций, отношений, действий, состояний, процессов, событий, признаков, характеристик, отношений, мест

действия (локаций разного типа), инструментов и т. д., по которым носители языка без труда узнают, кто, какой, кому, где, когда, что, для чего и как говорит: *Zeit — Ort — Berg — Feminismus — Sklavengesellschaft — Burschenschaft — Landschaft — Epoche — Landpomeranze — der Mercedes — die Wolga — Ludwig der Springer — Trabi — Arbeiter-und-Bauern-Volwo — Russe de luxe — Paragraphenhengst — das Bismarck etc.*

Насколько приведенные соображения значимы для предпринимаемых рассуждений и обобщения результатов наблюдений, можно убедиться на следующем примере:

- (2) *Armin, ein Führer des germanischen Cheruskerstammes, schlug ihn in einer Regen- und Sturmschlacht im Teutoburger Wald so vollständig, daß nur wenige Römer über den Rhein entkamen* [Fernau 1976: 10].

Из примера 2 ясно, что имена исторических персонажей и событий (*Armin, Arminius, Schlacht im Teutoburger Wald, Cherusker, Römer, ein germanischer Stamm*), очевидно, активизируют и соактивируют темпоральные и локативные сведения даже без детальной объективации последних. Такие обозначения реалий из определенных исторических эпох, культурных пространств и достопримечательностей, конвенциональные номинации для процессов, закономерностей позволяют довольно четко — в меру наличия соответствующего знания в картине мира реципиента и продуцента — очертить пространственно-временные параметры для некоторой ситуации. Тем самым **снимается неопределенность**, предопределяется селекция воспринимаемых сведений и направляются процессы концептуализации и категоризации реципируемых сведений. Такие средства оказываются для пространственно-временной локализации того или иного события — и в конечном итоге для членения информационного потока — более **эффективными** и **значимыми**, нежели даже первичные средства, образующие ядерную часть ФСП темпоральности (средства выражения временных глагольных форм) (*schlug, entkamen*) и ФСП локативности (локативные наречия и единицы разной частеречной семантики с локативным значением) (*hier, dort, wo*, а также *über den Rhein, der Teutoburger Wald, entkamen*).

Данное обстоятельство заслуживает в контексте предпринимаемых рассуждений особого упоминания, потому что темпоральность и локативность, вне всякого сомнения, являются

и текстовыми категориями¹⁰, выраженными прежде всего своими первичными средствами — грамматическими. Они **обязательны** в каждом коммуникативном акте в силу своего статуса — грамматического и лексико-грамматического. Для темпоральности в немецком языке это, естественно, средства выражения морфологической категории времени вкупе с темпоральными наречиями и иными элементами ФСП темпоральности. Для категории локативности это прежде всего лексико-семантические и лексико-грамматические средства.

Интересен однако тот факт, что темпоральная семантика — эксплицитно или имплицитно (при элиминации сказуемого, например в эллиптическом предложении) — присутствует в каждой текстеме (как неотъемлемой части конкретного текстового пространства) по причине способности **каждой** финитной формы глагола выражать ее морфологическими средствами, а также в силу способности глаголов определенных семантических классов предeterminировать обстоятельственную (обстоятельство времени, места, образа действия) позицию: *zeitig aufstehen, pünktlich beginnen*. Соответствующие сведения могут появиться и в непредeterminируемом глагольном окружении: *rechtzeitig erledigen, von früh bis spät arbeiten*. Сказанное — с некоторыми оговорками, поскольку в немецком языке **нет** морфологической категории локуса, — применимо и к обстоятельству места действия, относящегося к предeterminируемому либо непредeterminируемому глагольному окружению: *sich wohin bewegen, im Park spazieren, am Rande der Stadt liegen, wichtige grammatische Fragen im Plenum im Raum 6 besprechen*.

5. Материал и методика исследования

Материалом для исследования средств и способов активации, соактивации и объективации темпоральных и локативных сведений служит текст первой главы книги Йоахима Фернау «Германия, Германия превыше всего... От часа ноль до сегодняшнего дня» [Fernaу 1976]. Эта книга была выбрана потому, что в фокусе повествования — история страны; следовательно, по определению

---

¹⁰ См. подробное описание названных категорий как текстовых в [Ноздри-на 2009], а также там же сопоставление текстовых категорий и способов их реализации в конкретном текстовом пространстве в качестве «текстовой сетки»: модальной, темпоральной, персональной и др.

правомерно ожидать в соответствующем нарративном тексте активацию, соактивацию и объективацию разными способами и средствами темпоральных и локативных сведений о мире.

В книге 16 глав, которым автор предпосылает посвящение: *“Deutschland // Meine Liebe // Mein Albtraum”* [Fernau 1976: 4]. Сразу же после названия раздела *“Inhalt”* автор приводит эпиграф из Гётевского «Фауста»: *“Euch ist bekannt, was wir bedürden, // wir wollen stark Getränke schlürfen!”* [Fernau 1976: 5]. Все главы снабжены своего рода аннотациями, вариативными и по форме, и по содержанию. Объединяет эти аннотации манера повествования: ироничная, порой саркастичная, экспрессивная, ориентированная на прямой, эмоционально нагруженный контакт с современным читателем, не очень обремененным глубокими научными познаниями, но имеющим представление об актуальных социополитических процессах и способах их осмысления и проговаривания в публичном пространстве.

Поэтому, по всей видимости, в анализируемом тексте исторически значимые сведения обозначаются не только первичными номинативными средствами (прежде всего средствами обозначения противочленов грамматической категории времени, а также различными номинациями места и времени действия), но и вторичными. Среди последних нередко анахронизмы, когда события, а также действия и намерения персонажей прошедших эпох осмысляются в современных терминах; общепринятые в культуре на современном этапе имена исторических деятелей, достопримечательностей, исторических событий и т. п.; разнообразные метафорические средства (в том числе концептуальные метафоры или же метафоры в узком смысле) и иные стилистические фигуры; отсылки к общеизвестным носителям культуры, этнографическим реалиям, либо какие-то иные способы активизации и объективации соответствующих знаний (см. пример 3).

Содержание первой главы (с. 9–22) в интерпретации автора книги предстает в следующем виде:

- (3) *DAS ERSTE KAPITEL*
versucht, unseren Ur-Ur-Ur-Ur-Ur-Großvater ausfindig zu machen, der irgendwo in den germanischen Wäldern leben muß. Ferner macht es Sie bekannt mit dem ersten “Eisernen Vorhang”, mit dem Abzug der Alliierten und mit dem Polterabend der deutschen Geschichte [Fernau 1976: 5].

Приведенный пример убедительно показывает, насколько значимой для рецепции текста оказывается адекватная интерпретация темпоральных и локативных сведений о мире; ср. набор сведений, активизируемых средствами *der Eiserne Vorhang, Allierten, Polterabend der deutschen Geschichte* в разных ситуациях — например, в ситуации начала эпохи холодной войны (*der Eiserne Vorhang, Allierten*) или в ситуации порождения концептуальной метафоры при осмыслении исторического процесса в целом (*Polterabend der deutschen Geschichte*). Особое воздействие текста на реципиента базируется на количественных и качественных различиях в комплексах сведений, **объективируемых** первичными и/или вторичными номинативными средствами, с одной стороны, и сведений, **активируемых** и **соактивируемых** теми же средствами в конкретном текстовом пространстве, — с другой.

Методику анализа изучаемых языковых средств правомерно охарактеризовать как многоаспектную и комплексную, направленную на выявление корреляций между когнитивными, номинативными, коммуникативными (дискурсивными) стратегиями при решении коммуникантами определенной коммуникативной и когнитивной задачи. Для этого в языковой культуре сложились некоторые оптимальные способы достижения цели деятельности, а также имеются разнообразные средства реализации соответствующих стратегий.

Поэтому **теоретическим фундаментом** является представление о том, что каждый тип текста — это результат решения коммуникантами некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, фиксируемый средствами культурных кодов, прежде всего разнообразными и разноуровневыми средствами вербального кода (т.е. языка). Каждый тип текста имеет свою особую организацию в текстосемантическом, текстосинтаксическом, функциональном плане. Тип текста представляет собой **инвариант**, исторически сложившийся в языковой культуре на протяжении многочисленных поколений носителей языка и культуры и способный к разнообразным трансформациям содержательного, формально-структурного, функционального и иного характера. Каждый такой инвариант реализуется многочисленными **вариантами**, которых столько, сколько раз носители языка порождают тексты, следуя данному инварианту [Гришаева 2020: 4–20, 75–163].

Решая задачу, коммуниканты **выбирают**, с одной стороны, из множества способов, которыми располагает на определенном этапе своего развития языковая культура, и, с другой стороны, из способов, которые на конкретный момент известны конкретному коммуниканту. Однако выбирается всегда такой способ, который оценивается как максимально адекватный для сложившейся обстановки и применительно к особенностям партнеров по коммуникации, а также к характеру решаемой задачи. Индивидуальные особенности разной этиологии (психические, возрастные, социальные, мировоззренческие, профессиональные, физиологические и пр.) предопределяют результат когнитивной обработки воспринимаемых сведений и как следствие — выбор когнитивной стратегии, обуславливающей результат концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений.

Для объективации когнитивно обработанных сведений языковая культура располагает наборами изофункциональных сведений. Они подвержены варьированию в зависимости от актуально складывающихся коммуникативных условий и призваны реализовывать различные номинативные стратегии: прямой идентификации объекта (в широком смысле), косвенной его идентификации, аксиологической идентификации, дескриптивные стратегии и др. Для реализации каждой из номинативных стратегий в языке существует постоянно пополняющийся и видоизменяющийся набор разнородных, первичных и вторичных, конвенциональных и окказиональных, средств объективации сведений разнообразными, постоянно меняющимися с разной скоростью, разнородными механизмами вербализации (подробнее см. в [Гришаева 2020; 2022]).

Выбор номинативных стратегий не может не коррелировать с выбором коммуникативных, а тот, в свою очередь, определяется результатом осмысления ситуации, т.е. когнитивными стратегиями, поскольку в культуре решить **одну** задачу можно **разными** способами¹¹.

---

¹¹ Ср. предложенную трактовку с теорией О.А.Костровой [Кострова 2023]. О.А.Кострова убеждена, что «систематизировать этноспецифические грамматические и отчасти лексико-грамматические средства концептуализации хронотопа немецкоязычным автором» [Кострова 2023: 15] можно через «репрезентаци[ю] пространственно-временных характеристик», которая «производится с позиции наблюдателя — автора текста или действующих лиц произведения. Тем самым специальная грамматическая характеристика наблюдателя становится излишней, она включается в репрезентируемые концепты» [Ко-

Сделанные замечания в полной мере относятся и к номинативной задаче объективации темпоральных и локативных сведений. Следует учитывать, что в коммуникации последняя может быть основной, сопутствующей либо дополнительной. Продуцент текста этого может даже не осознавать, особенно в случае, если эта когнитивная (и, следовательно, номинативная) задача является дополнительной или даже не признается продуцентом в качестве специальной. Очевидно, что одна номинативная задача решается по-разному при реализации носителем языка и культуры различных коммуникативных задач — рассказать, убедить, обосновать, описать, осмыслить, побудить, уточнить и т. д. Поэтому задача объективации темпоральных и локативных сведений может решаться при стремлении максимально точно охарактеризовать некоторого человека (ср. примеры выше и ниже).

Сказанное означает, что в коммуникации степень детализации и регулярности сведений при объективации темпоральных и локативных знаний зависит в первую очередь от коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой коммуникантами с теми или иными характеристиками, а также от специализации средств и способов решения конкретной коммуникативной задачи, конвенционализированных в языковой культуре. Из этих возможностей конкретный носитель языка в зависимости от особенностей своей личностной идентичности **выбирает** те, которые представляются ему максимально адекватными ситуации общения и наиболее эффективными. Если же конвенциональные средства и способы его не удовлетворяют, он порождает свои, новые, опираясь при этом на известные ему образцы — нормы для различных subsystemов языка и/или конвенции функционирования языка как средства познания и коммуникации [Гришаева 2023]¹².

строва 2023: 15]. Концептуальными составляющими хронотопа О. А. Кострова называет **время** и **пространство**, которые она характеризует как грамматические концепты [Кострова 2023: 15].

¹² Одним из наиболее ярких и убедительных доказательств сказанному являются лексические новообразования, построенные по конвенциональным в русской языковой культуре словообразовательным моделям либо по моделям той или иной группы слов, появившиеся и/или ставшие наиболее востребованными в коммуникации в последнее время, например: *эйштейниаты*, *испуганты*, *релоканты*, *испургенты*, *америколиз*, *гегемонщина*, *Вашингтонщина*, *нижеплинтусные (изрыгания)*, *мореройцы*, *отреченцы*, *нетвойняшки*, *жабогадюкин*, а также *танцы с самозванцами*, *танец на граблях*, *страна У* и т. п.

6. Результаты анализа способов активизации и соактивации темпоральных и локативных сведений о мире в тексте

Анализ первичных и вторичных номинативных средств для обозначения событий, действий, видов деятельности, состояний, процессов, исторических персонажей и их функций, достопримечательностей, предметов утвари, одежды, прически, профессий, ценностных ориентаций, городов, стран, эпох и т. д., которые так или иначе объективируют, активируют и соактивируют анализируемые сведения, убеждает в когнитивной и коммуникативной значимости подобных средств. Независимо от их лингвистического статуса и характера сведений, объективируемых в коммуникации, все эти средства помогают **снять** в конкретном текстовом пространстве **неопределенность** в трактовке пространственно-временных отношений. Это правомерно утверждать потому, что единицы, например, темпоральной семантики (типа *ereignete sich, Jahre, Geburt, vor Christi, vor, 102 Jahre vor Christi Geburt* и аналогичные им), будучи изолированными от контекста и/или даже присутствуя в конкретной коммуникативной единице «предложение», не позволяют реципиенту предельно точно и адекватно локализовать в пространственно-временных координатах некоторое событие и действия человека, несмотря на то что такие единицы объективируют соответствующие сведения в опоре на морфологические, синтаксические, лексико-семантические или словообразовательные закономерности; ср. примеры 4 и 5:

- (4) ... *ereignete sich im Jahre 102 vor Christi Geburt* [Fernaу 1976: 9].
- (5) ... *und schwor sich, daß sich das nicht wiederholen sollte. Der Schwur hielt länger vor, als im allgemeinen Schwüre zu halten pflegen, nämlich 267 Jahre* [Fernaу 1976: 10].

Таким образом, очевидно, что для подлинной актуализации необходим текст как тематическое, интенциональное, функциональное, коммуникативное, содержательное и формальное **единство**, как сложно организованная по разным основаниям **целостность**. Это, пожалуй, и объясняет способность **однотипных** единиц, объективирующих, активирующих и соактивирующих темпоральные и локативные сведения о мире как таковые, в разных условиях реализовывать **разные** когнитивные, номинативные и коммуникативные стратегии. Указанная способность базируется на наличии

у разных понятий различных и многочисленных общих признаков, которые актуализируются различными способами в разных когнитивных и коммуникативных контекстах. Кроме того, один и тот же набор некоторых признаков и даже одна и та же конфигурация признаков, интерпретируемая как когнитивная фигура, на разном когнитивном фоне осмысливается по-разному; ср.: *хорошая контрольная работа* для учителя, для учеников, для вышестоящих органов образования, для сильного ученика, для слабого ученика, для итоговой проверки, для текущей проверки, для родителей и т. д. содержит задания разной степени сложности.

В целом все потенциально возможные средства объективации темпоральных и локативных сведений в тексте можно распределить по неравнозначным в количественном и качественном отношении группам, выделяемым по разным основаниям, прежде всего:

- по характеру культурного кода (по средствам объективации сведений): вербальные и невербальные¹³;
- по механизмам вербализации сведений: лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, формально-структурные, текстограмматические;
- по способам объективации: первичные — вторичные, конвенциональные — окказиональные;
- по степени регулярности объективации в культуре и/или в определенной интеракции: объективируемые — активизируемые — соактивируемые, обязательные — факультативные, эксплицируемые — имплицитные;
- по функции: номинативные — экспрессивные — эмотивные — модифицирующие — меняющие соотношение «когнитивный фон — когнитивная фигура»;
- по когнитивной значимости активизируемых или объективируемых при решении коммуникативной и когнитивной задачи сведений: салиентные — не салиентные в конкретном акте познания;
- по характеру ментальной категории и/или типу референта;

---

¹³ О невербальных средствах выражения темпоральных и локативных сведений необходимо говорить в общем контексте потому, что тенденция к креолизации, т. е. к семиотической гетерогенности текстовой ткани, сегодня чрезвычайно актуальна при порождении текстов разного типа в разных коммуникативных средах.

- по характеру сведений, хранящихся в некоторой ментальной структуре: абстрактные — менее абстрактные — максимально конкретные;
- по статусу когнитивных признаков, по которым элемент внеязыковой действительности подводится под ту или иную ментальную категорию: первичный — вторичный — аксиологический — конвенционально несалиентный;
- по типу когнитивной задачи: первичная или косвенная идентификация — аксиологическая идентификация — дескрипция — иное;
- по типу номинативной деятельности;
- по типу актуально решаемой коммуникативной задачи; а также по иным основаниям.

Релевантность выделенных для предлагаемой классификации оснований можно проиллюстрировать примером из текста, из которого становятся очевидными следующие обстоятельства. Во-первых, понятна значимость и темпоральных, и локативных сведений при членении пространственно-временного континуума, так как они требуются для активизации тех или иных ментальных структур, в которых хранятся разнообразные сведения, необходимые для осмысления порожденного текста. Во-вторых, в конкретизации, т. е. в снятии неопределенности, нуждаются не только «классические» дейктические средства (местоимения, наречия места и времени, временные формы глагола и др.), но и единицы конкретной семантики (типа *Woche, Ort, vor Ort, Landschaft, Kaiser, beginnen* и т. д.). В-третьих, средства локативной семантики нередко — или даже практически регулярно — соактивируют, а довольно часто и объективируют темпоральные сведения; и наоборот; ср.: *римский император — византийский император — российский император — германский император vs кайзер — царь — кесарь — султан — хан* (см. пример 6).

- (6) *Chlodowech heißt nicht “der Große”, die Geschichtsschreiber waren zu böse auf ihn. Man vergab diesen Titel an Karl, der 250 Jahre später das gleiche Reich aufrichtete. Heute ist man im Begriff, Clodowech in Vergessenheit geraten zu lassen. Karl der Große soll der Mann von Format gewesen sein, der Mann, der sich darüber im klaren war, was er staatsmännisch tat. Zweifellos, er gründete das „Fränkische Reich“ bewußt. Chlodowech aber soll ein Barbar gewesen sein, ein brutaler*

Raufbold, der nichts als seine persönlichen Triebe und Leidenschaften kannte, und die waren ganz sicher nicht edel. Ein Mann, der einen tiefen Sinn nicht sah [Fernau 1976: 15].

Таким образом, понятно, что применительно к анализу коммуникации и текста первичность или вторичность того или иного средства следует интерпретировать в зависимости от характера исследовательской задачи. В таких случаях правомерно говорить либо о структуре функционально-семантической категории и о соответствующем поле, либо о соотношении конвенциональных и окказиональных способов обозначения элементов внеязыковой действительности. В фокусе анализа могут быть также средства и способы реализации номинативных и коммуникативных стратегий, имеющих довольно явно выраженную специализацию на типе коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой в определенных условиях коммуникантами с известными характеристиками (см. обоснование корреляций между когнитивными, номинативными и коммуникативным стратегиям в [Гришаева 2020: 204–255]).

Поэтому и анализировать способы и средства объективации тех или иных сведений целесообразно через изучение потенциальных корреляций между когнитивными, номинативными и коммуникативными стратегиями, реализуемыми в определенных условиях коммуникантами с разными психологическими, социальными, ментальными, профессиональными и прочими характеристиками **при решении ими определенной коммуникативной и когнитивной задачи.**

Следует, однако, заметить, что в текстовом пространстве разнородные средства выражения и темпоральности, и локативности активируют и соактивируют одновременно **различные и нетождественные** сведения о пространственно-временном континууме; ср.:

- (7) *Ein anderer Stamm aus dem Norden, die Kimbern, befand sich ebenfalls mit Kind und Kegel auf der Wanderschaft <...>* [Fernau 1976: 9].

Поэтому единица темпоральной семантики *Wanderschaft* активизирует в конкретном текстовом пространстве сведения об определенной эпохе и в то же время локативные сведения. Это же касается и активизации локативных и темпоральных сведений с помощью группы слов *über den Rhein*, а также формой слова *entkamen* или же *die Kimbern*.

Нетождественность содержания, активируемого одним и тем же номинативным средством для некоторого комплекса темпоральных и локативных сведений, например *einen kleinen abendlichen Spaziergang zur Rhone herunter*, или *um die Ecke bog*, или *sah im Gebüsch*, или *in der rechten Hand einen Bratschinken, von dem er mit den Zähnen große Fetzen abriß*, нуждается прежде всего в снятии **неопределенности** относительно пространственно-временного континуума, в котором некий деятель осуществляет свою деятельность, т. е. требует наполнения конкретным содержанием параметров «здесь» и «сейчас». Без этого, как убеждает анализ текстового целого, нельзя адекватно интерпретировать воспринимаемый текст даже при корректной трактовке первичных средств выражения категории времени *bog, sah, riß ab* либо средств выражения локативных смыслов типа *zur Rhone herunter* или *um die Ecke / im Gebüsch / in der rechten Hand*.

Характерно, что снятие неопределенности при интерпретации сведений о пространственно-временном континууме не зависит ни от синтаксической функции (обстоятельство времени, обстоятельство места, объект, атрибут, подлежащее или иной член предложения), ни от способа выражения соответствующего члена предложения (одна словоформа, группа слов различной структуры, финитная конструкция: *einige Monate später, ferner — In der Ebene, wo zweitausend Jahre später ein gewisser Vincent van Gogh seine weltberühmten Bilder malte*), ни от принадлежности члена предложения к типу глагольного окружения (предetermined или непредetermined), ни от логического статуса члена предложения (пропозиция, аргумент, функтор, выраженный вторичными средствами), ни от частеречной семантики, ни от семантической функции (семантического падежа) (*nach Caesars Tod, der römische General Varus, mein und Ihr Ur-Ur-Ur-Ur-Ur-Großvater, einen Teutonen gesehen, die Deutschen von 1875*), ни от иных параметров, значимых для организации предложения как изолированной (от какого-либо коммуникативного контекста) коммуникативной единицы как имени ситуации (некоторого положения дел).

Однако, напротив, перечисленные параметры могут существенным образом сказаться на содержательной интерпретации пространственно-временного континуума в определенном текстовом пространстве. Это касается в том числе — а может, и в первую очередь — текстотипологических характеристик текста,

с помощью которого фиксируется результат взаимодействия носителей языка и культуры в определенных коммуникативно-прагматических условиях для достижения некоторой общей цели (см. примеры 8–11).

- (8) *Vielleicht bildete sich Arminius ein, daß sein frischer Ruhm ausreichen würde, <...> ganz Germanien zu befreien. Er hätte nicht ausgereicht* [Fernau 1976: 10].
- (9) *<...> hatte dort Bildung erworben und kehrte als römischer Leutnant h. c. zurück* [Fernau 1976: 10].
- (10) *Jene Ruhe, die der Geschäftsmann meint, wenn er sagt: Es sind sehr ruhige Zeiten* [Fernau 1976: 10].
- (11) *sich <...> durch die fürchterlichen Metzleien von zwei Jahrtausenden hindurchkletterten* [Fernau 1976: 10].

Любопытно обратить внимание на то, что в текстовом пространстве единицы локативной или темпоральной семантики проявляют свойства, аналогичные свойствам **дейктиков**: они актуализируют свое содержание в зависимости от своей референции к объекту номинации; ср.: *Er = sein frischer Ruhm; ganz Germanien ≠ Deutschland* (потому что имеются в виду разные эпохи, т. е. разный пространственно-временной континуум, следовательно, активизируются и соактивируются разные комплексы сведений о стране). Сказанное относится и к единице *Zeit (ruhige Zeiten)* в примере 10, а также к обозначению *h. c.*, *Bildung, Leutnant* в примере 9 или к *die fürchterlichen Metzleien* в примере 11.

Таким образом, анализ средств выражения темпоральных и локативных сведений, объективируемых, активизируемых и соактивируемых в коммуникации или тексте, позволяет прийти к определенным выводам относительно степени регулярности и степени детализации соответствующих сведений в коммуникативных единицах разной сложности — предложении, сверхфразовом единстве (микротексте), макротексте.

Как показал анализ, с номинативной точки зрения все проанализированные средства целесообразно разделить независимо от их лингвистических характеристик на следующие группы.

1. Средства, **именующие** те или иные элементы пространственно-временного континуума как такового, которые обладают разными когнитивными параметрами. Это субъекты, объекты, действия, процессы, состояния, фазы, признаки, отношения, ситуации, вер-

бализуемые единицами разной частеречной принадлежности: *Zeit, Woche, Minute, zeitlich, eben, dauern, andauernd, flach, gelegen, weit auseinander, Gebirge, Berg, Ebene, Tiefebene, Heide, sich befinden, hier, dort, dann, montags, Morgen, wöchentlich, minderjährig, in der Nacht, heute in drei Tagen, ein Katzensprung*. За этими обозначениями стоят процессы идентификации соответствующих элементов по различным признакам: первичным, вторичным, аксиологическим или же не-салиентным — в данном случае в немецкой культуре — при концептуализации и категоризации объекта (в широком смысле) внеязыковой или виртуальной либо фикциональной действительности. Такие признаки регулярно востребованы в коммуникации.

2. Средства, **дифференцирующие**, детализирующие соответствующие сведения, дополняющие, уточняющие признаки, по которым соответствующие элементы внеязыковой или виртуальной либо фикциональной действительности идентифицируются. Например: прозвище, закрепленное за конкретным лицом (*Barbarossa*); ситуация, отражающая взаимоотношения между императором Священной Римской империи и римским папой в определенное время (*der Canossa-Weg*); прозвище немецкого канцлера Бисмарка (*der Eiserne Kanzler*). За этими процессами — классификация, включение элемента в некий класс или подкласс по более тонким основаниям — по признакам воспринимаемого объекта, соактивируемым при его номинации, позволяющим получить реципиенту дополнительные сведения, более или менее регулярно востребованные в коммуникации.

3. Средства, **модифицирующие** уже имеющиеся у носителя языка сведения более общего характера о соответствующем элементе действительности. Например: одежда в Древнем Риме для человека конкретного статуса (*Toga*), определенная историческая эпоха (*Antike*), определенное социальное положение (*Sklave*), дефицитное в ГДР кушание из рыбы (угря) (*Dreifarbenfisch*), транспортное средство для власть имущих в ГДР (*Bonzenschleuder*), прозвища конкретных функционеров из ГДР (*die Lila Kuh, der Sudel-Ede*), Дрезден во времена ГДР (*Tal der Ahnungslosen*). За этими средствами — характеристика, модифицирующая соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры. Подобные сведения о некотором воспринимаемом элементе внеязыковой или виртуальной либо фикциональной действительности концептуализируются по признакам воспринимаемого объекта, соактивируемым только на определен-

ном когнитивном фоне; они салиентны только в конкретных условиях.

Подобное членение комплекса первичных и вторичных номинаций имеет смысл потому, что **каждая** минимальная коммуникативная единица «предложение» имеет характеристику «темпоральность», имманентную любой минимальной коммуникативной единице. Кроме того, в ней могут присутствовать также в качестве элементов преддетерминируемого глагольного окружения обстоятельства времени и места, выражаемые одной словоформой или группой слов разной структуры. Атрибуты к подлежащему и/или объектам могут иметь также темпоральную или локативную семантику. Кроме того, элементы непредетерминируемого окружения при любом глаголе также способны транслировать в коммуникации темпоральные и/или локативные смыслы.

Текст как максимально сложная коммуникативная единица, способная к членению на все менее сложные образования вплоть до минимальной коммуникативной единицы, содержит в качестве обязательных характеристик наряду с другими и темпоральность, и локативность. Средствами выражения данных текстовых категорий являются и лексические, и словообразовательные, и морфологические, и синтаксические, и формально-структурные единицы.

Другими словами, весь сложно организованный комплекс «текст» пронизан сведениями, адекватная интерпретация которых позволяет носителям языка и культуры локализовать во времени и пространстве события, процессы, состояния и действия, соотнести друг с другом деятеля, объект деятельности, инструменты и обстоятельства, объекты и их признаки, а также определить характер пространственно-временного континуума как реальный, виртуальный или фикциональный. Это чрезвычайно важно, поскольку от корректной интерпретации характера пространственно-временного континуума зависят количественные и качественные характеристики признаков, по которым идентифицируются различные элементы соответствующих континуумов. Ср.: *Иван-дурак* (носитель русской культуры с определенной характеристикой интеллектуальных способностей) vs *Иван — дурак* (включение носителя русской культуры в определенный класс субъектов с конкретными признаками); *Tante-Emma-Laden* (любой старый магазинчик с устаревшими технологиями купли-продажи в любом месте Германии, которым владеет пожилая женщина) vs *ein (ver)alte(te)s*

Geschäft, Otto Normalverbraucher (любой среднестатистический потребитель в экономическом дискурсе) vs *der Iwan* (типичный русский) bzw. *John Dow* (в американской культуре неизвестный или засекреченный человек); *der deutsche Michel* vs *John Bull* (типичный представитель соответственно немецкой или английской культуры).

Таким образом, в коммуникации имеет место своего рода дисбаланс между номинативными, когнитивными и коммуникативными потенциями средств, объективирующих, активизирующих и соактивирующих темпоральные и локативные сведения, сложившийся и в той или иной мере закрепившийся в языковой культуре, с одной стороны, и их реализацией в конкретных условиях — с другой. Выражаясь иначе, исследователь не может не учитывать очевидные различия между функциональным **потенциалом** определенной единицы и **способом** его реализации при парадигматическом либо синтагматическом взгляде на него. Поэтому понятно, что в различных комплексах внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей, в которые по-разному встраивается каждая единица в конкретном текстовом пространстве, средства анализируемой семантики осмысляются как элементы **разных** ментальных образований и получают по этой причине **разную содержательную интерпретацию**.

Объяснить упомянутые особенности можно, опираясь на данную Фр.Кликсом трактовку явления, названного им валентностью понятий [Klix 1984]. Согласно этой трактовке, чтобы быть осмысленным, у понятия должны быть соактивированы на разных уровнях иерархии понятийные связи у понятий из различных ментальных структур¹⁴. Любопытно сравнить активизируемые, соактивируемые темпоральные и локативные сведения с объективируемыми в примере 12, а также их первичные функции в языковой культуре, которые известны носителям языка, с функциями, которые выполняют в тексте те же единицы в конкретном текстовом пространстве. Здесь и такие окказиональные единицы, как в отрывке *die schönsten — und vergänglichsten. Die sinnvollsten (damals) und die sinnlosesten (heute). Sie*

---

¹⁴ Например, только покроем одежды и ее материал соактивируют сведения об эпохе и месте, когда и где носилась такая одежда, даже если соответствующие сведения не объективируются в коммуникации (см. характеристику свойств картины мира в [Постовалова 1988; Серебренников 1988а; Серебренников 1988b; Пищальникова 2021; Корнилов 1999; Корнева 2008а; Корнева 2008b; Гришаева 2022] и мн. др.).

sind die allertotesten. Und die allergefährlichsten für unsere Träume, которые никоим образом не нарушают гармонию и не снижают эффективность воздействия текста на реципиента, а, наоборот, оказывают на него экспрессивное и эмоциональное воздействие.

- (12) *Es beginnt nun der glanzvollste Teil der alten deutschen Geschichte. Er währte 300 Jahre. Alle, die etwas von Geschichte verstehen und Geschichte lieben, zehren heute noch von jener Zeit. Sie war die „große“. Ja, es ist wahr, sie war groß. Aber die wenigsten sehen, dass von dieser „großen“ Zeit außer den Erinnerungen keine staatspolitischen Auswirkungen, nichts, aber auch nicht das geringste auf unsere heutige Zeit überkommen ist. Die 300 Jahre, die damals mit Heinrich I. begannen, waren die schönsten — und vergeblichsten. Die sinnvollsten (damals) und die sinnlosesten (heute). Sie sind die allertotesten. Und die allergefährlichsten für unsere Träume* [Fernau 1976: 22].

7. Выводы

Темпоральные и локативные сведения о мире чрезвычайно значимы в коммуникации, поскольку они способствуют членению информационного потока и тем самым — снятию неопределенности и выбору средств и способов реализации номинативных и коммуникативных стратегий. Значимость изучаемых средств настолько велика, что часть из них вербализуется в качестве элемента грамматического строя (категория времени с дифференциальным функциональным потенциалом отдельных противочленов категории), часть — как элементы преддетерминируемого глагольного окружения (обстоятельственная — темпоральная и локативная — позиция), часть — в качестве конвенционализированной топологической специализации (позиция после финитного глагола или же перед ним) на месте и последовательности членов предложения в коммуникативной единице при именовании ситуации или положения дел (позиция после финитного глагола или перед ним), а часть — также многочисленными лексическими, лексико-грамматическими, словообразовательными средствами, способными обозначать как разнородные элементы пространственно-временного континуума как таковые без определенной культурной привязки, так и уникальные составляющие этого континуума. Сведения обобщаемого типа могут появляться и в непредетерминируемом

глагольном окружении, если они становятся в актуальных условиях взаимодействия когнитивно и коммуникативно релевантными с точки зрения коммуникантов.

Выбор коммуникантами соответствующего средства диктуется **характером** решаемой ими коммуникативной и когнитивной задачи. Средства, использование которых **объективизирует** темпоральные и локативные сведения, призваны именовать соответствующие сведения при решении коммуникантами номинативной задачи локализации события, процесса, действия субъекта, объекта и т. д. в пространственно-временном континууме, независимо от того, является ли соответствующая задача основной или сопутствующей при реализации той или иной коммуникативной стратегии. Такие средства характеризуются как первичные и описываются известными лингвистическими приемами в качестве элементов ФСП темпоральности или локативности, в качестве элементов грамматического строя, выполняющих в конкретных случаях первичные или вторичные функции, как определенные члены предложения либо как средства установления когерентности текста и т. д.

Упомянутая номинативная задача может и не осмысляться коммуникантами как таковая, но соответствующие сведения способны к **соактивации**, благоприятствуя взаимопониманию коммуникантов, детализируя и дифференцируя в разной степени и с разной регулярностью комплекс сведений, сообщаемых коммуникантами друг другу, вариативно профилируя комплекс сведений, активизируемых в коммуникации и/или тексте. Подобными свойствами обладают не только вторичные номинативные средства, необходимые для активизации пространственно-временных сведений, но и первичные.

Описанный эффект основывается прежде всего на возможности идентифицировать тот или иной объект виртуальной, фикциональной или реальной действительности по признакам первичным, вторичным или даже конвенционально несалиентным в конкретной языковой культуре — при условии, что носители языка и культуры располагают соответствующими знаниями в своей картине мира и владеют варьированием номинативными и коммуникативными стратегиями, коррелирующими с определенными когнитивными.

Другим основанием служит необходимость для осмысления того или иного понятия **активации** и **соактивации** связей между

комплексами сведений, **необъективируемых** в коммуникации средствами культурных кодов.

Поэтому следует различать, с одной стороны, специальную коммуникативную и когнитивную задачу объективации пространственных и временных сведений и с другой — локализацию события, процесса, действия, отношений, субъектов, объектов, ситуаций и пр. в некотором пространственно-временном континууме. Характер решаемой коммуникантами задачи и предопределяет степень детализации темпоральных и локативных сведений о параметрах пространства и времени, актуальных при взаимодействии носителей культуры, и уровень регулярности их объективации средствами культурных кодов в интеракции и в тексте.

Этим, пожалуй, и объясняются парадоксы при вербализации пространственно-временного континуума, о которых шла речь выше.

Словари, справочники и источники эмпирического материала

Культурология. XX век. Словарь / гл. ред. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.

Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2002. 576 с.

Abramow B. A. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Moskau: Vlado, 1998. 286 S.

Duden. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / bearbeitet von P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sitta, H. Wellmann. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1998. 912 S.

Erben J. Deutsche Grammatik. Ein Abriss. München: Hueber Verlag, 1992. 392 S.

Fernau J. Deutschland, Deutschland über alles... Von Null bis heute. Frankfurt a. M., Berlin, Wien: Verlag Ullstein GmbH, 1976. 192 S.

Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene / J. Buscha, R. Freudenberg-Findeisen, E. Forstreuter, H. Koch, L. Kuntzsch. München: Verlag für Deutsch, 1998. 336 S.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1998. 736 S.

Литература

Абрамов Б. А. Типология элементарного предложения в современном немецком языке. Изд. 2-е. Бишкек: Киргизский государственный педагогический университет, 2000. 122 с.

Абрамов Б. А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания. М.: Кругъ, 2003. 424 с.

Бабина Л. В. Когнитивные основы вторичных значений в языке и речи. Тамбов; М.: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. 264 с.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.

Гришаева Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. Воронеж: ВГУ, 1998. 272 с.

Гришаева Л. И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивный, семантико-структурный, функциональный аспекты описания (на материале современного немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 450 с.

Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 291 с.

Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. 677 с.

Гришаева Л. И. Зачем в коммуникации норма? Воронеж: Наука-Юнипресс, 2023. 232 с.

Корнева В. В. Пространство в единицах и структурах языка. М.: АНО ВПО «МГИ», 2008а. 192 с.

Корнева В. В. Наречия и параметры пространственной картины мира. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008b. 311 с.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 341 с.

Кострова О. А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023. 152 с.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б. А. Серебrenникова и др. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний и языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.

Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009. 252 с.

Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021. 488 с.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б. А. Серебrenникова и др. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

Серебренников Б. А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б. А. Серебренникова и др. М.: Наука, 1988а. С. 70–86.

Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б. А. Серебренникова и др. М.: Наука, 1988b. С. 87–107.

Abramow B. A. Zur Paradigmatik und Syntagmatik der syntaktischen Potenzen // Beiträge zur Valenztheorie / hrsg. von G. Helbig. Halle; Saale: Niemeyer, 1971. S. 51–66.

Beiträge zur Valenztheorie / hrsg. von G. Helbig. Halle; Saale: Niemeyer, 1971. 143 S.

Dietze J. Einführung in die Informationslinguistik. Die linguistische Datenverarbeitung in der Informationswissenschaft. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989. 195 S.

Helbig G. Valenz — Satzglieder — semantische Kasus — Satzmodelle. Leipzig: Enzyklopädie, 1982. 106 S.

Klix F. Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. 262 S.

Schumacher H. Verben in Feldern. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1986. 882 S.

Tarvainen K. Einführung in die Dependenzgrammatik. Tübingen: Max Niemeyer, 1981. 122 S.

References

Abramow B. A. *Zur Paradigmatik und Syntagmatik der syntaktischen Potenzen*. Beiträge zur Valenztheorie. Hrsg. von G. Helbig. Halle; Saale, Niemeyer, 1971, S. 51–66.

Abramow B. A. *Typology of an elementary sentence in modern German*. 2nd ed. Bishkek, Kirgizskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2000. 122 p. (In Russian)

Abramow B. A. *Selected works on German grammar and general problems of linguistics*. Moscow, Krug Publ., 2003. 424 p. (In Russian)

Babina L. V. *Cognitive foundations of secondary meanings in language and speech*. Tambov; Moscow: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina Publ., 2003. 264 p. (In Russian)

Beiträge zur Valenztheorie. Hrsg. von G. Helbig. Halle, Saale, Niemeyer, 1971. 143 p.

Boldyrev N. N. *Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language*. Moscow, Izdatel'skii dom IaSK Publ., 2019. 480 p. (In Russian)

Dietze J. *Einführung in die Informationslinguistik. Die linguistische Datenverarbeitung in der Informationswissenschaft*. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1989. 195 p.

Grishaeva L.I. *Nominative-communicative function of sentences with verbs of behaviour*. Voronezh, VGU Publ., 1998. 272 p. (In Russian)

Grishaeva L.I. *Verbs of behavior as a semantic class of verbs of the anthroposphere: cognitive, semantic, structural and functional aspects of description (on the data of the modern German language)*: Dr. Sci. thesis. Voronezh, 1999. 450 p. (In Russian)

Grishaeva L.I. *Text variation in communication*. Voronezh, Nauka-Iunipress Publ., 2020. 291 p. (In Russian)

Grishaeva L.I. *Dialogues on intercultural communication*. Voronezh, Nauka-Iunipress Publ., 2022. 677 p. (In Russian)

Grishaeva L.I. *Why is there a norm in communication?* Voronezh, Nauka-Iunipress Publ., 2023. 232 p. (In Russian)

Helbig G. *Valenz — Satzglieder — semantische Kasus — Satzmodelle*. Leipzig, Enzyklopädie, 1982. 106 S.

Klix F. *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. 262 p.

Korneva V.V. *Space in units and structures of language*. Moscow, ANO VPO “MGI” Publ., 2008a. 192 p. (In Russian)

Korneva V.V. *Adverbs and parameters of the spatial picture of the world*. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2008b. 311 p. (In Russian)

Kornilov O.A. *Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities*. Moscow: Isd-vo MGU Publ., 1999. 341 p. (In Russian)

Kostrova O.A. *The conceptual grammar of the space and time in the German language and culture*. Moscow, Flinta Publ., 2023. 152 p. (In Russian)

Kubriakova E. S. The role of word formation in the creation of a linguistic picture of the world. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i kartina mira*. Ed. by B. A. Serebrennikov et al. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 141–172. (In Russian)

Kubriakova E. S. *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge and a linguistic worldview*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russian)

Leont'ev A. A. *Language, speech, verbal activity*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 214 p. (In Russian)

Leont'ev A. N. The general concept of activity. *Osnovy teorii rechevoj deiatel'nosti*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 368 p. (In Russian)

Nozdrina L. A. *Interpretation of a literary text. Poetics of grammatical categories*. Moscow, Drofa Publ., 2009. 252 p. (In Russian)

Pishchalnikova V. A. *History and theory of psycholinguistics*. Moscow, R. Valent Publ., 2021. 488 p. (In Russian)

Postovalova V.I. The worldview in human life. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i kartina mira*. Ed. by B. A. Serebrennikov et al. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8–69. (In Russian)

Serebrennikov B. A. Does the language reflect reality or express it in a symbolic way? *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i kartina mira*. Ed. by B. A. Serebrennikov et al. Moscow, Nauka Publ., 1988a, pp. 70–86. (In Russian)

Serebrennikov B. A. How is the worldview reflected in the language? *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i kartina mira*. Ed. by B. A. Serebrennikov et al. Moscow, Nauka Publ., 1988b, pp. 87–107. (In Russian)

Schumacher H. *Verben in Feldern*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1986. 882 S.

Tarvainen K. *Einführung in die Dependenzgrammatik*. Tübingen, Max Niemeyer, 1981. 122 S.

Гришаева Людмила Ивановна

профессор кафедры немецкой филологии ВГУ,

доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 394006, Воронеж, Университетская пл., 1

Liudmila I. Grishaeva

Full Professor of German Philology Department, Voronezh State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394006, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9499-3300>

E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Статья поступила в редакцию 6 января 2024 г.

Принята к публикации 26 апреля 2024 г.